

Короленко Владимир Галактионович

Черкес

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Галактионович К.**
Черкес / Короленко Владимир Галактионович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-90424-7

ISBN 978-5-519-90424-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чепурниковъ нервно ворочался и вздыхалъ, Пушныхъ сладко всхрапывалъ. Этотъ гарнизонный счастлицевъ обладалъ завидною способностью засыпать мгновенно при всякихъ обстоятельствахъ, и это служило главною причиною глубокой ненависти, которую питалъ къ нему, несмотря на недавнее знакомство, его дорожный товарищъ. Послѣдній пытался доказывать неоднократно, что Пушныхъ не имѣетъ никакого «полнаго права» своею грузною фигурой занимать большую половину мѣста, назначеннаго для троихъ. Пушныхъ при этомъ жмурился и стыдливо улыбался. Онъ позволялъ даже Чепурникову всячески тиранить себя каждый разъ при усаживаніи въ повозку. Желчный унтеръ-офицеръ порывисто запихивалъ куда-нибудь его ноги, подбиралъ и укладывалъ руки, заталкивалъ въ самый дальній уголъ его спину, гнулъ его и выворачивалъ, точно имѣлъ дѣло съ тюфякомъ, а не съ живымъ человѣкомъ.

— Вотъ... вотъ!.. такъ... этакъ!..—приговаривалъ Чепурниковъ толкая и пихая какую-нибудь часть рыхлой фигуры товарища.—Р-раздуло васъ, прости Господи, горой...

Пушныхъ конфузливо и виновато улыбался.

— Чѣмъ же я, Василь Петровичъ, въ эфтимъ случаѣ... Мы всѣ, то-есть, родомъ экіе... Ой, Василь Петровичъ, ты мало-мало полегче пихайся...

Чепурниковъ окидывалъ взглядомъ свою упаковку и оставался недоволенъ.

— Безз-совѣстные!—ворчалъ онъ.

Надо замѣтить, что оба мои спутника принадлежали къ разнымъ родамъ оружія, и Чепурниковъ, какъ жандармъ, считалъ себя неизмѣримо выше Пушныхъ уже тѣмъ, что его служба вмѣняла въ обязанность тактичное и вѣжливое обращеніе. Поэтому онъ обращался даже къ Пушныхъ не иначе, какъ во множественномъ числѣ, хотя при этомъ высказывался нерѣдко довольно безцеремонно: «безсовѣст-

ные вы эдакіе чурбаны!»—говорилъ онъ, напримѣръ.

Но, въ сущности, всѣ мы понимали, что совѣсть тутъ не при чемъ. Особенно же когда, проѣхавъ версты полторы, Пушныхъ засыпалъ какъ камень,—тутъ ужъ вступали въ силу положительно одни физическіе законы: Пушныхъ, какъ тѣло наиболѣе грузное, опускался на дно повозки, вытѣсня насъ кверху.

Тоже случилось и въ эту холодную ночь. Чепурниковъ жался къ краю повозки, я кое-какъ сидѣлъ въ серединѣ, стараясь какъ-нибудь не задавить Пушныхъ, который все совалъ подъ меня голову съ безпечностью соннаго человѣка. Я всматривался въ темноту: какія-то фантастическія чудовища неясно проползали въ вышинѣ, навѣвая невеселыя думы.

— Ну, и командировка выдалась!.. Не фартить мнѣ да и только!—сказалъ Чепурниковъ съ глубокою грустью и съ очевидною жаждой сочувствія.

Мнѣ было не до сочувствія. Для меня эта «командировка» была еще менѣе удачной, и мнѣ казалось, что это у меня на душѣ проплываютъ одни за другими безформенные призраки, которые неслись тамъ, въ вышинѣ.

— Эхъ, и что-бы мѣсяцемъ раньше! купилъ бы я въ Качугѣ шитикъ, поставилъ бы парусъ—и катай себѣ внизъ по Ленѣ до самаго Якутска. Вѣдь это, какъ вы думаете, экономія?

— Конечно, экономія.

— То-то, вотъ, что экономія... А какъ по вашему, сколько?..

— Не знаю.

— А вотъ погодите, разсчитаемъ. Три тысячи верстъ, по четыре съ половиной копейки, это выходитъ по сту по тридцати пяти рублей съ лошади. Ежели теперь на четверку, да на обратный путь хоть, скажемъ, на двѣ лоша-

ди... Поэтому экономія составляетъ сотъ восемь рублей на однихъ прогонахъ. Такъ, или нѣтъ?

Чепурниковъ разсчитывалъ съ какимъ-то сладострастнымъ наслажденіемъ и потомъ сказалъ со злобю:

— А теперь вотъ и за одну лошадь, смотрите, останется ли? Вспомните мое слово: станутъ намъ дальше и четвертую лошадь припрягать. Такой подлець народъ сталъ, такой подлець—и сказать вамъ не могу. Это чтобы служащему челоуѣку сколько-нибудь уважить,—никогда!

Мнѣ отъ этихъ разсчетовъ было ни тепло, ни холодно. Пушныхъ напомнилъ о себѣ сладкимъ мычаньемъ сквозь сонъ.

— Да вотъ тутъ еще съ этимъ дѣлись, съ чурбаномъ! —желчно закончилъ Чепурниковъ.—А спрашивается теперь: за что?

Онъ смолкъ. Темная дорожная ночь тянулась безъ конца, а колокольчикъ, казалось, бился и стоналъ на одномъ мѣстѣ. Туманы продолжали ползти въ вышинѣ какими-то смутными намеками на что-то необыкновенно печальное. Чепурниковъ вздыхалъ и злился рядомъ со мною, продолжая раздражать себя разсчетами экономіи, утерянной только потому, что меня Богъ не послалъ ему мѣсяцемъ ранѣе.

Но вотъ повозка быстро забила на ухабахъ, колокольчикъ заболталъ что-то несвязное, послышался хриплый лай ленскихъ собакъ, болѣе похожій на какой-то очень жалобный вой, и въ промежуткѣ между фартукомъ и верхомъ повозки проплылъ яркій огонь фонаря, раскачиваемаго вѣтромъ на верхушкѣ полосатаго столба.

Станція.

Я сталъ выбираться изъ повозки, разминая отеки члены. Чепурниковъ захватилъ узелокъ съ провизіей и сталъ безцеремонно тормошить Пушныхъ. Послѣ нѣсколь-

кихъ пинковъ безпечный унтеръ-офицеръ промышчалъ что-то, зѣвнулъ протяжно и сладко и сталъ вываливаться изъ телѣги.

— Полоски (сабли) захватите,—крикнулъ ему Чепурниковъ на ходу,—да револьверы!

Но Пушныхъ въ эту минуту, стоя уже на землѣ и заложивъ руки за голову, сладко тянулся, хрустя суставами и зѣвалъ.

Когда онъ вошелъ, черезъ минуту, въ теплую станціонную комнату, потирая, по дѣтски, кулаками заспанные глаза, въ рукахъ у него не было ни «полосокъ» ни револьверовъ, которые остались въ повозкѣ.

II.

Я сѣлъ къ столу и, облокотившись на него, смотрѣлъ передъ собою, отдаваясь ощущенію тепла и отдыха. Глаза мои были открыты, но всѣ предметы принимали для меня какія-то фантастическія формы. Стѣны комнаты раздвигались, и я опять видѣлъ себя далеко на дорогѣ, въ темной повозкѣ. Только въ углу повозки пріютилось теперь какое-то странное животное на четырехъ изогнутыхъ ножкахъ; оно сердито шипѣло на меня, фыркало и лязгало зубами, сквозь которые пробивалось пламя, пыхая на меня жаромъ. Отъ этого я начиналъ ужасно грустить, и тогда глаза мои инстинктивно искали на стѣнѣ картину, изображавшую возвращеніе блуднаго сына. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ, а старикъ-отецъ протягиваетъ надъ нимъ благословляющую руку. У старика было доброе лицо, и онъ такъ благосклонно глядѣлъ, а быть можетъ еще и до сихъ поръ глядитъ на проѣзжающихъ со стѣнъ всѣхъ станцій, на

протяженіи всей Лены. Почтенный старецъ. Онъ столько разъ и такъ радушно встрѣчалъ меня своимъ благословляющимъ жестомъ, что я положительно привязался къ нему и, входя въ любую станцію, утомленный угрюмыми приленскими видами, тотчасъ-же разыскивалъ его глазами. И въ эту минуту я стремился къ нему подъ защиту. Тутъ ли онъ? Да, онъ тутъ и, значить, я не на холоду, а въ свѣтлой комнатѣ, и сердитое животное, пыхающее огнемъ—только желѣзная печурка, жарко натопленная листовичными дровами. Да, старикъ тутъ и, значить, у меня есть добрый знакомый въ этомъ далекомъ и непривѣтливомъ краю, въ этомъ маленькомъ домицѣ съ полосатыми столбами, пріютившемся у подножія угрюмыхъ и мрачныхъ хребтовъ.

Пушныхъ, положивъ руки на столъ и голову на руки тихонько всхрапывалъ, а Чепурниковъ суетился одинъ, то подкладывая дровъ, то распоряжаясь относительно самовара. Наконецъ, онъ удалился за перегородку, и черезъ минуту оттуда послышался сначала просто любезный, а потомъ и дружескій разговоръ.

— Я очень доволенъ; я даже такъ разсуждаю,—говорилъ писарь,—что васъ ко мнѣ самъ Богъ послалъ, право... Можете вѣрить слову.

Подъ дальнѣйшій тихій шопотъ новыхъ пріятелей я совсѣмъ заснулъ.

Кто-то тронулъ меня за руку. Я открылъ глаза и не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Надо мной стоялъ жандармъ Чепурниковъ и на его обыкновенно подвижномъ лицѣ теперь лежало какое-то застывшее выраженіе. Онъ трогалъ мою руку, а самъ смотрѣлъ въ окно. Я невольно посмотрѣлъ туда же, но ничего особеннаго не увидѣлъ. Въ стекла глядѣла ночь, и только пушистыя снѣжинки, налетая изъ мрака, садились снаружи на черныя стекла и тотчасъ-же таяли. Казалось, какія-то бѣлыя насѣкомыя съ

любопытствомъ заглядываютъ въ нашу комнату и черезъ мгновеніе безшумно отлетаютъ въ темноту, чтобы сообщить кому-то о томъ, что они увидѣли въ станціонной избушкѣ...

— Что такое?—спросилъ я съ невольною тревогой.

Чепурниковъ сѣлъ на стулъ и съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ перевелъ на меня свои каріе глаза.

— А-а, господинъ...—сказалъ онъ тономъ довѣрія.—У насъ тутъ такое дѣло налаживается, просто ужъ и не знаю. Въ одинъ день человѣкомъ сдѣлаешься!

— Человѣкомъ?—переспросилъ я, все еще не отряхнувшись отъ сна.—Что-жъ, это отлично!

— Вѣрно, въ одинъ день, господинъ!..—и Чепурниковъ вперилъ въ меня долгій, въ душу проникающій взглядъ.— Можете вы,—спросилъ онъ затѣмъ,—можете ли вы понимать служащаго человѣка?

— Ну?

— Служащему человѣку требуется голову свою какънибудь прокормить и какой-нибудь дивидентъ себѣ пріобрѣсти. Такъ-ли я говорю, ай нѣтъ?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ дѣло,—ночевать здѣсь придется!

— Ну, и прекрасно.

— То-то. А не быть бы мнѣ въ отвѣтъ, потому намъ по инструкціи воспрещается... Такъ ужъ вы, въ случаѣ чего ни ни... Такъ, дескать, встрѣтились, только и всего... На станкѣ, при перепряжкѣ... Поняли?

— Положимъ, ничего не понялъ. Съ кѣмъ встрѣтились?

— А вотъ погодите... Гаврилычъ, вылѣзай-ка сюда!

Станціонный писарь, внимательно слѣдившій за разговоромъ изъ-за перегородки, тотчасъ-же вышелъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ стоптанныхъ валеныхъ калошахъ, повязанный грязнымъ шарфомъ; движенія его не

лишены были нѣкоторой торжественности. Видно, что жизнь на станціи и общеніе съ «проѣзжающими господами» способствовали развитію въ немъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ наклонностей.

— Это онъ вѣрно вамъ говоритъ,—наклонился писарь ко мнѣ, уставляясь въ меня своими большими черными глазами, немного напоминавшими чахоточнаго.—Дѣло первой важности,—большія можно тысячи пріобрѣсти...

— Вотъ!—подчеркнулъ Чепурниковъ, испытующе заглядывая мнѣ въ глаза.

Я опять протеръ глаза. Этотъ шопоть, важный видъ говорившихъ, застывшіе взгляды и загадочныя слова казались мнѣ просто продолженіемъ какого-то безсвязнаго сна.

— Да въ чемъ, наконецъ дѣло?—спросилъ я съ досадой.

— Въ черкесѣ-съ...—и взглядъ писаря сталъ еще многозначительнѣе.—Неужто про черкеса не слыхали? Лицо по всей Ленѣ знаменитое.

— Я здѣсь въ первый разъ.

— Извините, не сообразилъ. Позвольте, я вамъ объясню. Этотъ черкесъ, да еще съ другимъ товарищемъ по спиртовому дѣлу у насъ первые... То-есть, проще вамъ сказать, спиртоносы, на пріиска запрещеннымъ способомъ спиртъ доставляютъ и вымѣниваютъ рабочимъ на золото. Отличныя дѣла дѣлаютъ...

— Ну-съ?

— Ну-съ, больше ничего, что завтра этотъ черкесъ будетъ здѣсь...

Онъ наклонился къ моему уху.

— Золото въ Иркутскъ везетъ китайцамъ продавать... Ежели теперича самъ Богъ намъ его въ руки даетъ,—это значитъ Божіе благословеніе... Третья часть въ нашу пользу, остальное въ казну...

— Понимаю... Но неужели онъ такъ безпеченъ, что

прямо дастся вамъ въ руки?

— Какое дастся! Дьяволъ—не человѣкъ. Не въ первый разъ уже. Летитъ сломя голову, ямщикамъ на водку по рублю. Валяй! Лишь бы сзади казаки да исправникъ не пронюхали, да не нагнали. А у насъ народъ на станкахъ робкій... Да и на кого ни доведись—страшно: онъ живой не дастся. Ну, а теперь все-таки люди военные. Можно его и взять.

— Ежели намъ удастся, и вы счастливы будете, господинъ!—сказалъ Чепурниковъ, у котораго загорѣлись глаза.—Тысячи и на вашъ фартъ не пожалѣю.

— Да ужъ только бы пофартило,—все также поучительно прибавилъ писарь—а ужъ дуванить-то будетъ чего.

— Я думаю, казеннаго проценту за поимку тысячъ тридцать.

— Ну, это тамъ дѣло ваше. Мнѣ никакихъ денегъ не нужно, а переночевать я согласенъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А вы, господинъ, берите, неотказывайтесь. Мы васъ обижать не согласны.

Я вышелъ изъ-за стола и сталъ укладываться на диванѣ.

Перспектива провести цѣлую ночь въ теплой комнатѣ подъ благословляющей десницей почтеннаго старца, была такъ соблазнительна, что въ моей отяжелѣвшей головѣ не было другихъ мыслей... Чепурниковъ съ писаремъ удалились за перегородку и продолжали тамъ свою бесѣду о предстоящей компаніи.

— Вѣрно ты знаешь, что завтра?

— Да ужъ вѣрно тебѣ говорю. Болдинъ сказывалъ. Выпили мы тутъ съ нимъ, онъ и проговорился... Они меня не боятся, потому я и самъ въ прежнія времена, признаться сказать...

— А трудно...—слышалось черезъ минуту.

— Трудно. Храбрость имѣетъ большую. Черкесъ на-
стоящій молодчина!

— Отчаянный?

— Да ужъ безъ засады не взять.

— А какъ ничего нѣту?

— Чудакъ! Вѣдь ужъ мнѣ тогда здѣсь не житье.—
неужто стану рисковать?

Я заснулъ. Мнѣ казалось, что я забылся только на
мгновеніе, но, очевидно, прошло довольно много времени.
На станціи было тихо, на столѣ стоялъ самоваръ и чай-
ные приборы. Очевидно, мои спутники успѣли напиться
чаю и улеглись спать. Свѣча была погашена. и только
желѣзная печка освѣщала комнату вспышками пламени.

— Гавриловъ!—послышался вдругъ тихій окликъ Че-
пурникова.—Не спите?

— Не сплю.

— А знаете, я вѣдь, рассчиталъ.

— Ну?

— Тридцать двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ рублей
пятьдесятъ копеекъ.

— Н-да,—сказалъ Гавриловъ изъ своего угла,—капи-
талъ хорошій. Только бы Богъ помогъ.

--- Дай-то Господи! Капиталъ отличный. Вотъ бы Мар-
ѳа моя Степановна обрадовалась!

— Н-да. Возымѣли-бъ мы съ тобой хорошую копеечку.

Сильнымъ сопѣніемъ Пушныхъ напомнилъ собесѣдни-
камъ о своемъ существованіи.

— Ишь сопить, свинья!—съ презрѣніемъ сказалъ Че-
пурниковъ.— А, вѣдь, и ему придется дать.

И черезъ полминуты онъ добавилъ съ закипающею
досадою.

— Спрашивается: съ какой стати?

Опять тишина.

— Гавриловъ, а Гавриловъ!

— Что?

— А вы вѣрно знаете, сколько съ нимъ золота?

— Вѣрно. По этому самому разсчету они ужъ и раздували въ тайгѣ. Черкесъ съ Мандрыковымъ за себя весь песокъ взяли!

— Гм... Жалко!

— Что тебѣ жалко?

— Маловато выходитъ.

— Что такъ?

— Да такъ не хватаетъ мнѣ мало-мало по моимъ разсчетамъ. Еще бы мнѣ тысячки хоть три, я бы на Горѣ у вдовы у Мятусовой домикъ купилъ. Славный домикъ, съ огородомъ и съ мензелинчикомъ. А теперь придется у Степанова купить. Тоже домикъ ничего, а нѣтъ того виду... Тотъ на господскую ногу... Я, вѣдь, службу-то брошу.

— Бросишь?

— Ну ее! Съ капиталомъ какая надобность? Теперь я передъ каждымъ офицеромъ тянусь, а тогда онъ у меня, офицеръ, на чашку кофею будетъ званъ. Такъ, ай нѣтъ?

— Пустое!—сказалъ писарь рѣшительно.

— Какъ пустое?

— Такъ, суета, честолюбіе одно,—подтвердилъ Гавриловъ философски.—Думаешь хорошо: станешь ты по этой причинѣ форсить, носъ кверху драть? Нѣтъ, братъ, хорошаго тутъ мало...

Я насторожилъ уши. Писарь говорилъ тихо, и голосъ у него мнѣ показался чрезвычайно пріятнымъ. Я усталъ отъ холоднаго, угрюмаго пути и отъ этихъ жесткихъ, наивно-грабительскихъ разговоровъ. Мнѣ показалось, что я, наконецъ, услышу человѣческое слово. Мнѣ вспомнились большіе глаза Гаврилова, и въ ихъ выраженіи теперь чудилась мнѣ человѣческая мечта о счастіи...